

Виктор Гюго

Стихотворения (1850 г.)

Виктор Гюго

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18641418

Стихотворения:

Аннотация

«Что слава? – Нелепые крики.
Свет жалок, куда ни взгляни –
В нем многие тем и велики,
Что малы, ничтожны они...»

Содержание

Не обвиняй ее	4
«Порой, когда всё спит, восторженный вполне...»	5
Два зрелища	6
К Фанни П.	7
Она сказала	10
Что слава?	12
Детство	15
Выходец из могилы	16
У реки	21
Теперь (после смерти дочери)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Гюго

Стихотворения

Не обвиняй ее

Нет! Падшей женщины не порицай открыто!
Кто ведает весь груз ее земного быта?
Кто ведает число ее голодных дней?
Печальных опытов кто не бывал свидетель,
Как вихрь несчастья колеблет добродетель
И как несчастная вотще стремится к ней?
На ветке дерева так капля дождевая
Блестит, на ней держась и небо отражая,
Но ветку покачнут – и капля сорвалась,
И – до паденья – перл, она с паденьем – грязь.

Виновен ты, богач, виновны мы и злато.
Та капля чистая, небесная когда-то,
В грязи сохранена, – и, чтоб явилась вновь,
От праха отделясь, приняв свой вид хрустальный,
Она, блестящая, в красе первоначальной –
Тут нужен солнца луч, там надобна – любовь.

«Порой, когда всё спит, восторженный вполне...»

Порой, когда всё спит, восторженный вполне
Под звездным куполом сажусь я в тишине,
К полету времени бесчувствен – жду и внемлю,
Не снидут ли с небес глаголы их на землю,
И, трепетный, смотрю на праздник торжества,
Ниспосланного в ночь земле от божества,
И мнится: те огни, что в безднах пламенеют,
Мою лишь только грудь, мое лишь сердце греют,
Что мне лишь суждено читать на небесах,
Что я – земная тень, ничтожный призрак, прах –
Днесь царь таинственный на пышном троне ночи,
Что небо блеском звезд мои лишь тешит очи,

<1840>

Два зрелища

Как в дремлющем пруде под сению древесной,
У смертного в душе два зрелища совместны –
В ней видимы: небес блистательный покров
С его светилами и дымкой облаков –
И тинистое дно, где зелья коренятся
И гады черные во мраке шевелятся,

<1843>

К Фанни П.

Оградясь невинностью святою,
Пой, играй и веселись, малютка!
Будь цветком! Будь утренней зарею!
Жизнь твоя покуда – смех и шутка.

О судьбе не погружайся в думу!
Даль темна. Среди земных явлений
Наша жизнь – увы – немножко шуму
В грустном мире, где так много тени.

Зла судьба: мы это видим ясно, –
Наша скорбь ей ничего не значит. –
Ты мила; но то, что так прекрасно,
Пуще страждет, наигорше плачет.

Ты сверкаешь детскими очами,
А в грядущем – горе и утраты.
Глазки, так богатые лучами,
И слезами наконец богаты.

Но пока закрыто всё, что худо, –

Смейся! Смех есть лучший дар незнания.
Веселись, дитя мое, покуда

Над тобой покров очарования!

Розан мой! Еще ты вихрем светским
Не измят, не испытал ненастья,
Озарен ты тихим счастьем детским –
Отраженьем маменькина счастья,

Дар небес – поэзия святая
При тебе, как ключ неистощимый;
При тебе живет она, блистая
Из очей ее – твоей родимой.

На земле ты – ангел настоящий,
Херувим! Меня в восторг приводит
Ясность та, что в твой зрачок блестящий
Из души невинной переходит.

Пользуйся блаженною минутой!
Наслаждайся! Радость мимолетна,
Все мы прежде мук сей жизни лютой
Сладость детства пили беззаботно,

О, прими мое благословенье!
При разлуке так идет молитва!
Предо мною – гроб, успокоенье,
Пред тобою – жизненная битва.

Бог с тобой, невинное создание!
Жребий твой сказался от пеленок:

Ангел ты, ведомый на страданье,
В женщины назначенный ребенок!

<1856>

Она сказала

Она сказала: «Да, – и тем я дорожу!
Мечта о лучшем пусть в соблазн меня не вводит!
Ведь ты со мною здесь, глазами я слежу,
Как мысль в твоих глазах вращается и ходит,

И тем довольна я – конечно, не вполне!..
И всё же мой удел – удел благополучных.
Чего не любишь ты – насквозь известно мне,
Я двери стерегу от лиц, тебе докучных.

Твоя голубка – я. Ты пинешь – близ тебя,
Уютно сжавшись, я на локоток прилягу,
То подниму перо, то вслушиваюсь я,
Как ты, мой гордый лев, ворочаешь бумагу.

Воображенье – хмель, мечта – напиток, да.
Трудись! Я счастлива и не ропщу несколько...
Но не мешало б мной заняться иногда,
А то ведь целый день всё книги, книги только!

Под тенью твоего склоненного чела
Подчас и грустно мне. Ни слова мне, ни взгляда!
Чтоб на тебя смотреть удобно я могла,
И на меня тебе взглянуть немножко надо».

<1856>

Что слава?

Что слава? – Нелепые крики.
Свет жалок, куда ни взгляни –
В нем многие тем и велики,
Что малы, ничтожны они.

Я знаю, что свет рукоплещет
Героям – когтистым орлам,
Железу, которое блещет,
И многим несветлым делам.

Да! Счастье земли – колесница,
Помпеи в триумфальной красе
В одном из колес ее зрится,
А Кесарь – в другом колесе.

Всё то ж – в Тразимене, Фарсале.
Любуйтесь сквозь пламя и дым
Всем тем, что Нероны взорвали
Палящим дыханьем своим!

Молитесь! Склоняйте колена!
Мне ж крошкой глядит великан.
Всё вздор! Потому что он – пена,
Уж будто б он стал океан?

Да, – веруйте в прах величавый,
В громады пустых пирамид,
Во всё, что прикинулось славой,
Во всё, что так бурно шумит!

Коснея в понятиях диких,
Молюсь я, поверженный ниц,
Не богу героев великих,
А господу маленьких птиц, –

Не богу воинственных станов,
Орудий, мечей и штыков,
Не богу тех злых ураганов,
Что двигают массы полков, –

Не идолу тех, что тревогу
Подъемят, купаясь в крови,
Но мирному, доброму богу –
Источнику вечной любви, –

Тому, что в поэме вселенной
Зажег, в мирозданья строфах,
Стих первый – любовь в сердце,
Последний – звездой в небесах;

Что пищу дает своим птичкам,
Дарует и мох, и тепло
Их гнездышку с белым яичком,

Чтоб певчее племя росло;

Что, грея соломкою сельской
Семейство Орфеев лесных,
Шлет в лиственной почке апрельской
Мир новый, волшебный для них;

Когда ж это всё оперится,
Излучисто врозь полетит –
Вкруг каждого гнездышка, мнится,
Святое сиянье горит.

Историю мы без препоны
Творим себе – всем напоказ, –
Великие есть Пантеоны,
Огромные храмы у нас.

У нас есть мечи роковые,
И мало ль различных чудес?
У нас – Вавилон, Ниневия,
Гробницы до самых небес.

А что бы осталось? – лишь слезы, –
Когда бы зиждитель миров
Отнять захотел у нас розы,
Когда бы он отнял любовь!

Детство

Ребенок пел, играл, вблизи лежала мать,
Едва, едва дыша. Ребяческому пению
И бедной матери предсмертному хрипеню –
Обоим вдруг тогда мне довелось внимать.

Ребенок – лет пяти. Что он? – Малютка, крошка!
От детских игр его не отгоняйте прочь!
И вот – он целый день был весел у окошка,
Весь день резвился, пел; мать кашляла всю ночь –

И к утру умерла, вздохнув о малолетке,
А он – он принялся опять играть и петь.
Печаль есть зрелый плод, – на слишком слабой ветке
Тяжелому плоду бог не дает созреть.

<1856>

Выходец из могилы

О, стоны матерей! Вам царь всевышний внемлет.
Птенцов почивших он от вас к себе приемлет,
И птичку милую, им взятую туда,
Низводит к вам с небес на землю иногда.
У неба много тайн. У бога много силы.
Есть к колыбели путь обратный из могилы.

Одна из матерей жила в Блуа. Знаком
Мне был ее большой соседний с нашим дом.
В довольстве родилась, росла, потом вступила
В союз желанный с тем, кого она любила.
У них родился сын. Какая радость! Сын!
И что за колыбель! Шелк! Бархат! Балдахин!
Младенца кормит мать своею грудью нежной,
Всю ночь она полна заботою мятежной,
Не спит, ее глаза горят во тьме ночной, –
К ребенку наклонясь с подушки головой,
Чуть дышит, бедная, чтоб слышать, как он дышит;
Малейший стон его, малейший шорох слышит,
И утром вновь бодрa, довольна, весела!..

Вот в кресла кинулась и гордо прилегла
Горячей головой на их косую спинку,
Грудь, полнясь молоком, раздвинула косынку,

Улыбка на устах, и вот – ее дитя!
«Мое сокровище! Мой ангел! Жизнь моя!» –
Бывало, говорит, и целовать у крошки
Начнет те маленькие розовые ножки –
И как целует их! Младенец-херувим
Смеется, голенький, и корчится упрямо,
Визжит и тянется к источникам родным,
И, бережно прижат к местам заповедным,
Притихнул.

Дни бегут. Уж он лепечет «мама».
Растет. Младенца рост так шаток – боже мой!
Он ходит, говорит: он в возраст уж такой
Приходит, где язык – впоследствии привычка –
Едва лишь оперен, бьет крылышком, как птичка,
И пробует лететь, и кое-как летит.
«Вот он! Каков сынок! – родная говорит. –
Ведь он уж учится, он азбуку уж знает, –
Такой понятливый! Всё на лету хватает.
Он – страшный умница и плут большой руки, –
Вообразите, – он уж хочет по-мужски
Одетым быть! О да, вот он о чем хлопочет!
Он и по платьицу быть девочкой не хочет.
Я Библию ему читаю – он за мной
Всё – слово за словом – мне вторит. Ангел мой!»
И мать восхищена, и детскою головкой
Не налюбуется. Обновка за обновкой!
Что день, то радости. Мечтаньями полна
О будущем, она им детски предается.

Какое торжество! Как чувствует она,
Что сердце матери в ее ребенке бьется!
Но дни идут, идут, и вдруг – крутой уступ.
Однажды злейший бич, исчадь ада – круп
Нежданный налетел и, в дом открыв лазейку,
Напал на мальчика, схватил его за шейку
И стал его душить... Тот силитсядохнуть –
Не может: воздуху загородила путь
Болезнь проклятая, того и жди – разрушит!
Бедняжку, кажется, и самый воздух душит,
Гортань его хрипит. Во впавших глазках тень
Всё глубже, всё темней, – померкнул ясный день,
Как плод, как ягодка под клевом птицы жадной,
Ребенок вдруг завял. Как вор, как тать нещадный,
Его схватила смерть. Отчаянье кругом!
Гроб, траур, мать, отец, биенье в стену лбом –
И вопль – ужасный вопль!.. Где мать о сыне плачет,
Там онемей язык! Что слово наше значит?
Всё кончено. Нет слов!

И вот, погружена
В свое отчаянье, недвижимая, она
Три месяца сидит. Хоть бы малейший трепет
Был жизни признаком! В устах – несвязный лепет,
Она не ест, не пьет, глаза устремлены
Тупые, мутные – в один кирпич стены.
Тут муж при ней в слезах. Она почти не дышит,
Тень смерти на лице. Зовут ее – не слышит.
Порой лишь в ужасе страданья своего

Шептала скорбная: «Отдайте мне его!»
Врач мужу намекнул тайком, что было б кстати,
Когда б родился брат покойному дитяти,
Что это бы спасло страдальцу; и вот
Проходит день за днем, проходит месяц, год...
Потом несчастная вдруг чувствует в недуге
Под сердцем у себя движение – и в испуге
Затрепетала вся, бледнеет: «Боже мой!
Нет, нет, я не хочу, чтоб был не тот – другой;
Тот стал бы ревновать, сказал бы: «А! ты любишь
Другого – не меня, его теперь голубишь;
Меня забыла ты, достала мне взамен
Любимца нового, он у твоих колен
Обласкан и согрет, он стал твоя отрада,
А я лежу зарыт в подземной этой мгле.
Мне душно здесь, в гробу, мне холодно в земле». –
Так мать рыдала. – Нет! Я не хочу. Не надо!»
Но день судьбы настал, настал и час родин –
И радостный отец опять воскликнул: сын!
Но он один был рад: несчастная больная
Лежала, прошлое в бреду припоминая;
Новорожденного к ней принесли, – она
Взяла его на грудь, как мрамор холодна,
Почти бесчувственна; она о том ребенке
Всё думой занята, у бедной не пеленки,
А саван на уме, ей тот погибший сын
Всё представляется: бедняжка – там – один!..
Но в это время вдруг – о, чудо! Миг блаженный!
Ей голосом того ее новорожденный

Так сладко произнес, как ангелы поют:
«Послушай! Это – я. Не сказывай! Я тут».

<1857>

У реки

Жил лев близ той реки, где и орел порою
Водицу испивал,
И тут же встретились два мужа раз – и к бою!
И оба – наповал!

То были короли, над многими странами
Их высился престол,
А тут, над мертвыми носясь их головами,
Так произнес орел:

«Давно ль при вас, цари, весь мир дрожал
от страха?
Вы спорили в боях
За лоскуток земли – за горсть земного праха,
И вот вы сами – прах.

Вчера блистали вы в венках своих лавровых,
Властители властей, –
А завтра явится ряд камней известковых
Из царственных костей.

Скажите: для чего дух алчный вас за грани
Владений ваших вел?
Здесь, у одной реки, живем же мы без брани –

Он – лев, и я – орел.

И из одной реки мы пьем спокойно воду,
Он взял себе леса,
Пески, пещеры; я взял воздух и свободу,
Простор и небеса».

<1857>

Теперь (после смерти дочери)

Теперь, когда Париж, и эти мостовые,
И эти мраморы и бронзы – далеко,
Когда мне тень дают деревья вековые
И мне лазурь небес оглядывать легко, –

Теперь, когда от злой душевной непогоды
Успел я отдохнуть,
И после бури той святая тишь природы
В мою ложится грудь, –

Теперь, когда могу, близ вод кругом разлитых,
Я мыслью вознестись и видеть с высоты
Глубоких истин ряд, в душе моей сокрытых,
И видеть под травой сокрытые цветы, –

Теперь, создатель мой, с сей затишью святою
Пришла мне череда
Сознать, что дочь моя под этою плитою
Уснула навсегда.

И вновь, глубокого исполнен умиления,
На горы, на леса и воды я гляжу,
И, видя, как я мал в безмерности творенья,
Вновь чувствую себя и в разум прихожу.

Вновь на тебя, творец, смотрю я правоверцем,
И вновь согрет мольбой,
Иду к тебе с моим окровавленным сердцем,
Растерзанным тобой.

И вновь душа моя к тебе, мой бог, взывает:
Ты свят, ты терпелив и в благодати велик!
Ты знаешь, что творишь, а смертный – что он знает?
Он – ветра прихотью колеблемый тростник!

Гроб закрывается, но щель есть в этой крыше –
То дверь к тебе, творец!
И то, что здесь внизу концом считают, – выше
Начало, не конец.

Коленопреклонен, я сознаю, о боже,
Что ты единый – сущ. Чтоб весь я изболел –
Так было надобно. Кто спросит: для чего же?
Так было надобно, – ты этого хотел.

Пред волею твоей стою, смирения полный.
Челн жизни мы тянуть
Должны из скорби в скорбь, из волн в другие волны –
И в вечность завернуть.

Всё видимое нам проходит часом, мигом.
На вещи смотрим мы с одной лишь стороны,
С другой – всё мрак для нас. Мы клонимся под игом,

Таинственных причин не зная глубины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.